

Большая
проза
**Василий
Аксёнов**

Василий Аксенов

Вольтерьяницы
и вольтерьяники

Москва
2017

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А41

Разработка серии А. Саукова

В оформлении обложки использована репродукция
картины «Выезд Екатерины II на соколиную охоту» (1902)
художника В. А. Серова (1865–1911)

Фотография на корешке:
© Лев Шерстенников / Russian Look.

Аксёнов, Василий Павлович.

А41 Вольтерьянцы и вольтерьянки / Василий Аксёнов. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 512 с.

ISBN 978-5-04-089063-7

Кто такой Вольтер? Известный скандальный вольнодумец XVIII века, давно ставший скучной хрестоматийной фигурой в учебниках истории и литературы? Или же это вечно живой символ свободы, родной и близкий не только капризным французам, но и широкой русской душе?

Роман Аксёнова не дает прямых ответов на эти вопросы. Это изящная фантазмагория о либеральной идее в России и о ее причудливом воплощении.

**УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44**

© Аксёнов В., наследники, текст, 2017
© Бондаренко А., оригинал-макет, 2017
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

ISBN 978-5-04-089063-7

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Глава первая</i> , в коей картина превращается в роман, пустынные брега в парижскую Масленицу, портрет Вольтера в живую персону, театральный скандал в триумф, трезубец Нептуна в объятия Морфея	8
<i>Глава вторая</i> , где генерал Афсиомский принимает философа Д'Аламбера и где становятся очевидными пользительные свойства орехового масла	63
<i>Глава третья</i> , в коей слегка припозднившийся персонаж барон Фон–Фигин поднимается на борт стопушечного корабля «Не тронь меня!», а молодые герои, Мишель, Николя, Клаудия и Фиокла, наслаждаются обществом Вольтера вкупе с чертенятами поместья Ферне	91
<i>Глава четвертая</i> , дающая Вольтеру возможность прочесть отрывки из «Трактата о толерантности», кавалеру Террано совершить грехопадение, а высшим офицерам обсудить феномен «Двухногого Казуса»	132
<i>Глава пятая</i> , начавшаяся в идиллических аллеях парка, в коих посланник Фон–Фигин и великий Вольтер обсуждают курьезы женственного века, споткнувшаяся в коридоре замка, где две кавалерствующие дамы не могут разойтись из–за объемов их фижм, и завершившаяся безобразным пиратством, позволившим нашим шевалье проявить их не вполне обычные геройские качества	166
<i>Глава шестая</i> , глубоко задевшая нежные души двойняшек– курфюрстиночек, изгнавшая бесов из камина, а также заставившая задуматься об андрогинных свойствах младших чинов императорской гвардии в обществе старческого красавца Вольтера	209

<i>Глава седьмая</i> , неожиданно открывающая нам некоторые секреты Прусского государства, а также пристрастие короля Фридриха Великого к тщательному разжевыванию марципанов	245
<i>Глава восьмая</i> , в коей Вольтер знакомит барона Фон–Фигина и генерала Афсиомского со своими взглядами на российские отчины, равно как и на черных рабов в Америке. Между тем над готикой Балтики пролетают голуби из древнего рода сарымхадуров, а также гремит не вполне реальная битва, в кою среди прочих сторон вовлечено цвейг–анштальт–бреговинское войско во главе с курфюрстом Магнусом Пятым.	273
<i>Глава девятая</i> , постепенно превращающаяся в «драму идей» XVIII столетия, в ходе коей Вольтер вспоминает, как близок он был, вместе с Эмили дю Шатле, к открытию свойств «фложистона», меж тем как гадкий химик Видаль Карантце охотится на лягушек и мышей, а Миша Земсков продолжает удивлять все кумпанейство особенностями своей головы . . .	314
<i>Глава десятая</i> , совпадающая с предпоследней ночью июля 1764 года, иначе с завершением Остзейского кумпанейства; звучат виолы и саксонские гнутые кларнеты; все перепуталось в замке и в парке; и сладко повторять: Россия, Запад, Бесконечность; ночные откровения и утреннее изменение пейзажа	357
<i>Глава одиннадцатая</i> , и последняя, знаменуется явлением вельми припозднившегося персонажа. Фокусы утопии уступают место историческим деяниям	394
<i>Эпилог</i> , как таковой в завлекательных авансах не нуждается . . .	438

Нет идей врожденных.

Джон Локк

Нравственный смысл — врожден.

Готфрид Вильгельм Лейбниц

Я не понимаю природы мысли.
Разум ли повелевает руке подняться?

Вольтер

Глава первая,

*в коей картина превращается в роман,
пустынные брега в парижскую Масленицу,
портрет Вольтера в живую персону,
театральный скандал в триумф, трезубец
Нептуна в объятия Морфея*

В самом начале сего повествования хочу обратиться к вам, персоны читающего сословия; и к тем, кто посреде домашнего досуга возжигает свечу над не разрезанным еще томом, равно как и к тем, кто, трясаясь день-деньской в кибитке, прижимает книгу к подушке с пятнами стеарина и раздавленным клопом-с, и сообщить, что книга сия втягивает вас в апрель 1764 года; ранняя весна, судари мои, глубокий морозный закат.

Вслед за фразой развивается неподвижная картина прибалтийского простора. Большущее небо с длинными лиловыми облаками на западе и со молодым месяцем в зените. Голые ветви вдоль дороги, в конце коей темная ломаная пила городка с острейшим, будто не своим, зубом кирхи. Озеро подо льдом. Вросшие в лед повозки недавней войны. Торчат оглобли, скособоилось колесо, зияет жерло полевой пушки. Кой-где, ежели спешиться и присмотреться, увидишь в замерзающей на ночь полынье брошенную воином фузею с торчащим из дула багинетом или без оногo, патронную суму пехотинца или кавалерийское седло с пере-

метными карманами, череп лошажий, а то и человеческий, расколотую кирасу с торчащими ребрами, некогда прикрывавшими сердце, исполненное отваги или безудержной тоски, именуемой в обиходе горечью поражения. Неподвижная сия картина красноречиво расскажет тому, кто спешится, о страшной схватке в померанских болотах, ну а тому, кто проскачет мимо, не расскажет ничего, поелику тот ее и не заметит.

Теперь пора сказать, что не все так пронзительно застыло в этой весенней темной картине, освещенной лишь огромным бледно-зеленым небом с чеканным серпиком апреля. Есть тут две фигуры, пребывающие в бешеном движении, ног у них не сочтешь, видно только, как вдребезги разбиваются замерзающие вдоль дороги лужи. Летят за ними хвосты, гривы и плащи, если глянешь сбоку. С той же позиции заметишь натянутые до бровей треуголки да младые гладкие подбородки. Рьяны ноздри исторгают мятущийся пар. Шумное дыхание, бой копыт и скрип сбруй завершают переписку пейзажного масла, то есть натюрморт на наших глазах и при наших ушах обращается в натюральную романею.

Бешеный галоп выветривает вчерашнюю данцигскую пьянку из глав и телес двух шевалье, Николя и Мишеля. Слава тебе, Господи, что лошади не пьют! Как это не пьют, как это не пьют? Водки не пьют, водки не пьют, водки не пьют! И пива не потребляют! И рейнского сладкого не глотают! Не пьют, потому что им нет, не дают, нет, не дают, нет, нет, нет! Только воду пьют, пьют, только воду пьют! Вровень несутся верные кони, возвращенные в гвардейской Ея Императорского Величества конюшне, четырехлетние боевые жеребцы, два брата Тпру и Ну, ныне именуемые на французский манер Пуркуа-Па и Антр-Ну. Так скачут, будто и пить не хотят, пить не хотят, пить не хо-

тят, воды не хотят, воды не хотят и по пиву не грустят, не грустят, будто не останови, так и протарабанят всю тыщу верст до столицы французского королевства!

А чего ж так гнать-то, естли ехать еще столь далеко, и чему такая прыть может споспешествовать? Может, гонится кто за кавалерами? Может, сами они кого преследуют? Авторский произвол, однако, не находит пока никакого резону для спешки, за исключением вчерашних довольно-таки куртуазных и в равной степени ридикульных обстоятельств.

Ну что ж, нам-то, сочинителю, то есть мануфактурщику бумажного товара, спешить некуда, если уж заехал в восемнадцатое столетие, в раннюю весну 1764 года; так что давайте по порядку.

Третьего дня под вечер легкой рысью, как предписано было в экспедиции, достигли Николя и Мишель приморского города Данцига, по-нашему Гданьска. Предъявили страже французские пашпорты и были пропущены за ворота; даже взятки не потребовалось. К французским офицерам многие из гданьского народа относились с симпатией еще со времен высадки в защиту короля Сигизмунда Лещинского против российского произвола. Никому и в голову не пришло залезть в кавалерские ташки, иначе могли бы за двойными бортами обнаружиться не только французские, но и саксонские подорожные бумаги, а если б глубже копнули, могли бы и на прусские папиры наткнуться.

Не без удовольствия озирали Николя и Мишель с высоких седел виды готического града, пока медленно цокали подковами по гладким булыжникам улицы Длуга. Пуркуа-Па даже не преминул сунуть ноздри под хво-

стик игривой кобылке из знатной упряжки, что ожидала кого-то непростого возле трактира «Лион Д'Ор».

«Эппенопля, — сказал тут Мишель, — да ведь это, видать, тот самый «Лион», которому Твердищев давал столь лестную рекомандасию».

«Твердищев! — хохотнул Николя. — Опосля его ревельской рекомандасии у меня до сих пор естчо ухо саднит!»

И тут уноши прыснули, как школяры, вспомнив ужин в ревельском «Альте Томасе», закончившийся потасовкой с чухонской знатью, ежели так можно сказать о каких-то якобы шведских баронах.

Твердищевская рекомандасия для них все ж что-то значила, естли они спешили у «Золотого льва» и сказали своим коням стоять. В привязи и присмотре нужды не было: Тпру и Ну знали свое дело туго, как тогда выражались в кавалерии. Никому до себя и до поклажи дотронуться не дадут, а буде дерзнет какой людской или животный хищник, забьют копытами или покусают.

Давайте сразу заинтригуем равнодушного читателя, сказав, как в романах пишут, что прибытие молодых людей не осталось незамеченным. Две пары смешливых и нежных глазищ поглядывали из-за занавесок второго этажа, где собирался на ужины непростой народ, как приближались к дому два статных уноши в рейтарских ботфортах, в коих (в уношах, а не в ботфортах), несмотря на отсутствие знаков отличия, нельзя было не признать гвардию. Лзя было предположить, что именно залу второго этажа, где в сей час ужинало семейство заезжего курфюрста, имел в виду советчик из экспедиции г-н Твердищев, однако наши кавалеры прямиком перлись не туда, а в подвал.

Впрочем, с тем же успехом лъзя было сказать, что именно подвал как раз и советовал прокисший в экспедиции г-н пьянчуга, то есмь эксперт.

В подвале вся жующая и пьющая кумпания повернулась, как будто в первый раз узрела путешествующих шевалье. Кто-то что-то грубое изрек на кошубском варварском речении. Какие-то в обносках военного из дыма начали приближаться. Какие-то в кожаных наплечниках уселись рядом, отрыгивали пивом, строили рожи физиогномий. Нет, изысканных манер тут не дождешься, не Петербург.

Николя и Мишель, сохраняя достоинство, как их всю жизнь поучали, раскурили трубочки и заказали по-французски жареного каплуна. Прислуга, ни черта, конечно, не поняв, принесла полбарана.

Хозяйка с дочкой, обе грудастые, гладкие, поставили перед кавалерами две кружки, каждая весом с чугунную гирию. Один мужик сел ватным задом на их стол и стал насвистывать прусский марш на полковой флейте. Другой какой-то, как бы прочищая мушкетон, все наводил дуло на наших путешественников.

Откуда было знать нашим кавалерам, что не было в городе заведения с более дурной репутацией, чем подвал «Золотого льва»?

Здесь кумпанействовали дезертиры разных армий, еще недавно дравших друг дружку на полях Семилетней войны. Откуда им было знать, что за полчаса до их прибытия в подвале разгорелась полнейшая возмутительность в адрес курфюрста с семейством, которых принимали в двухсветной зале наверху. Какой-то фузилер припомнил, что его высочество недоплатил ему десять талеров за бой против вюртембергского полка.

Этот аффеншванц, курфюрст, ламбекуло хуэвадское, просрался, мьерда, подписал амнистицию с дюком, а моих десять золотых себе засунул в трудекуль, орал на весь подвал хромой на обе ноги фузилер, похожий на смесь медведя и упомянутой им в потоке красноречия обезьяны. Тут вся толпа, среди которой было несколько старческих великанов из распущенного Фридрихом Вторым любимого его батюшкой Фридрихом Первым великанского полка, пришла в возбуждение, вспоминая недоплаченное. Проклятья на всех языках Семилетней войны, включая русское эппеннопля, неслись из всех углов.

Вот тут как раз и вошли двое наших безупречных. Откуда им было знать, что их немедля приняли за прусскую агентуру? Дескать, там нонче таковских принимают, гладковыбритых. Вот и казак Эмиль надысть рек, как из него такие брали дознание, с оттяжкой. Иссакли все пасьянсы, братва, вставай на бой, солдат, не за гельды, а за правду-курву! Что же удивляться, что Николая и Мишель сморщили носы, приняхиваясь к местным недостаткам савуар-вивр.

Горячее пиво, однакось, было пользительно. Облегчив кружки наполовину, уноши огляделись уже повесельчаковски. Мишель вытащил из-под стола ногу и въехал под самую трудекуль той заднице, что без политесу попердывала по соседству с их ужином. Николай понимал смешное, зашантеклерился залиvisto, сердешно, как бывало в кадетском корпусе. С новым бонаппетитом друзья взялись за баранину.

Бродяга между тем летел сквозь дым кабака и, пролетев сажени три, упал башкой в соседнюю кумпанию со страшными красавицами. Визг оных. Хруст фурнитур. Брызги питьевого. Ошметки съестного. Весь подвал, кроме калек, повскакал на ноги.

Хохот мешал нашим уношам продолжить жевание. Нужно сказать, что подобные эмансипации никогда не пугали кавалеров, а, насупротив, как бы увлекали их своей, ну как тут получить изречь, ну, нежданно-стью, что ли. Вспомни собственную младость, читатель, вспомни юнкерские забавы и все простишь.

Шум стоял в заведении, прямо сказать, гомерический, а ведь он, ну, Гомер, знал, как передать шум; уши ему никогда не отказывали.

В этом шуме наши так называемые французы не могли разобрать ни одного слова. Равно как и по-немецки эти наши как бы дипломатические курьеры, или, как их в те времена называли, «эстафеты», ничего не могли связать в реве малопристойных глоток. Откуда им было знать, что регуляры подвала не умели ни на каком языке правильно выразиться, что за годы мародерства сей сброд отвык от своих природных речений и изъяснялся на каверзной похабщине, составленной из польских, швабских, кошубских, моравских, фламских, аллонских, брабантских, тосканских, шпанских, прусских, саксонских, голштинских, ютландских, мадьярских, жмудских, москальских и бог еще знает каких засаленных и пересоленных слов.

Вот вам образец сей словесной клоаки, милостивые государи. Можете сами его жевать в нужных местах сочинения, лыком в строку не встанет, а может, напротив, иной раз и позволит малость рассупониться.

Куло-педерсе-скорежара-пете-мамара-какара-шир!
Швуле-финокио-хире-коконес-и-марикон!
Чочо-ке коньо-су ссе-алмеха-савашьердюр!
О ламбекуло-пута-мамона-дупаморозна-келькуль!

С этим словесным хламом приступили уж было к двум красавчикам шпионам, чтоб посчитаться за оскорбление в дупу, как вдруг новый разгорелся скандал. Обиженный бродяга, оказалось, потерял свой ме-

шок и теперь ползал по полу, собирая вывалившееся хозяйство, почерневшие какие-то крючки с перстнями, сиречь пальцы шведских кирасиров, загубленных бомбардами прусского короля прошлой весной в недалеком от города болоте. Эдакого супостатства не терпели даже в подвале «Золотого льва». Некий авторитетный рыжебородый с рваной ноздрею по имени Барбаросса (запомни, читатель!) закинул уже на крюк в потолке туго свитую лямину, когда сверху спустился хозяин и кликнул стражу. Вошли пузатые с алебардами. Давайте разбираться, кто есть кто в вольном мясте собрался. Начнем с новеньких. Нутко, молодчики, явите папиры!

Хозяин был купчина старых ганзейских кровей, и пол-Европы было у него в кумовьях. Как и полагается данцигскому заправиле, фамилию имел двойную, Шпрехт-Пташек-Зотовский, то есть даже тройную в сем случае. Напоминал он персонажа картины мастера Рембрандта «Ночной дозор», того, которого не очень видно. Грозно пучился на молодых проезжих, как бы слегка презирая, а на самом деле соображая, какова их истинная природа. Так вот постоянно приходилось прикидывать в вольном штадте или мясте: что за народ проезжает, от кого, к кому? Ишь ты, как стоят, шляхетская поза, руки на эфесах, сразу и не сунешься.

Тут вдруг осенило Николя: да ведь что-то бубнил Твердищев про этого хозяина. В случае чего, сказал, шляпой пополощите перед ним да реките под сурдину: вам, мол, поклон от господ Глазенаповых! Тут как раз и Мишель припомнил что-то из экспедиции полезное. В случае встречи с герром Шпрехтом (он же Пташек-Зотовский) следует левое ухо вам прикрыть ладонью, соорудив над оным подобие козырька с отведенным в сторону мизинцем.